

СНЕЖНАЯ НЕЖНОСТЬ

Законы для богатых

В древней истории в китайской семье соблюдалось «пять постоянств»: отец должен был следовать долгу и справедливости, мать — источать милосердие, старшие братья — питать к младшим дружеское расположение, младшие — относиться с уважением к старшим, и все сыновья — почитать родителей и вообще старших.

С введением политики одного ребёнка это постоянство разрушилось. Политика одного ребёнка на одну семью или «одна семья – один ребёнок» – демографическая политика Китая конца двадцатого века, когда в Китае законодательно ограничили размер семьи в семидесятых годах, когда стало понятно, что огромное количество людей перегружает земельные, водные и энергетические ресурсы страны. В целях реализации этой программы применялись меры бесчеловечных санкций по принудительной стерилизации, несмотря на то, что председатель Мао Цзэдун был против мер по ограничению рождаемости в Китае. Он говорил: «Чем больше у нас народа, тем мы сильнее»...

В результате этой политики в Китае появилось выражение «маленький император». Речь идёт о единственном ребёнке, который получает слишком большое внимание и опеку со стороны взрослых. Такие дети вырастают эгоистами, не приспособленными к самостоятельной жизни. Китайские выпускники школ сталкиваются с непреодолимыми трудностями, пытаются получить заветное место в хорошем вузе. Было немало самоубийств, связанных с труднейшими вступительными экзаменами в колледжи, известными под названием Гао Као, или «высочайший тест». В стране, где детям приходится отчаянно бороться, чтобы преуспеть, политика одного ребёнка помогает родителям сосредоточить все свои ресурсы на единственном чаде. Стразу стало понятно, что этот китайский закон – это закон для богатых. Богатые могут иметь столько детей, сколько захотят, потому что у них есть деньги на выплату штрафа. Как поступали бедняки? Детей просто перестали регистрировать, а это легче всего было сделать, уехав в деревню, переехав в другую провинцию, можно было уехать навсегда из страны или оформить ребёнка на бездетных родственников.

Как утверждают критики, этот закон способствует экономическому выживанию самых приспособленных. Традиционно считалось, что продолжение рода идёт по линии отца. Рождение наследника-мальчика было предпочтительнее рождения девочки. Если жена не рожала сыновей, муж имел право расторгнуть брак или взять наложницу. Традиционная культура не запрещает, но и открыто не одобряет полигамные браки (кроме случаев, когда они совершаются ради рождения наследника). На практике такие браки ограничиваются материальным положением мужа, ибо он должен содержать всех жен. Таким образом, многожёнство характерно для высших классов общества. Сорорат – это обычай, по которому мужчина вступает в брак одновременно или последовательно с несколькими родными или двоюродными сестрами жены. Такой брак заключался как во время супружества, несмотря на то, что жена была ещё жива, так и после ее смерти. Эта практика была обычной среди дворянства династии Чжоу, существуя и в более поздние периоды. Так муж овладевал наследством семьи своих жён, где не было сыновей. Император запретил все формы наследия не по отцовской линии. Поэтому, если у семейной пары не было сына, то они вынуждены были либо брать (покупать) ребенка извне, либо остаться без наследника.

Крестьянских дочерей продавали чаще, чем сыновей, и их участь была значительно хуже. Мальчика обыкновенно покупали, чтобы усыновить его. Проданная же девочка с момента заключения сделки становилась в полном смысле слова рабыней, часто попадая в бордель. Тяжела и трагична была участь девочки, родившейся в бедной семье. В лучшем случае кто-либо из соседей, имевших сына, брал ее на воспитание, чтобы впоследствии отдать ему в жены.

Родители-бедняки, доведенные до отчаяния нуждой и лишениями, иногда даже умерщвляли своих малолетних дочерей. Единственной причиной таких убийств была крайняя бедность.

При этом из суеверий феодального общества, маленьких мальчиков часто одевали как девочек, чтобы обмануть духов болезни или смерти, которые, как верили родители, в таком случае пройдут мимо них. Так в современном Китае появились гомосексуалисты. Государство отнеслось к этому спокойно – от геев не могло рождаться детей, и на демографической ситуации это не отражалось...

Холодность Журавлей и Единорогов

*Все знают, что форма — всего лишь оболочка,
но ведь именно она и определяет жизнь.
(Китайская народная мудрость. Приписана Конфуцию)*

Со времён правления династии Цин мужчины из её семьи не опускались в табели о рангах государственных чиновников ниже Журавля по гражданской, и ниже Единорога по военной линии, то есть всегда – изначально и испокон веков – стояли в первом ряду из девяти. «Семья рубиновых шариков и пряжек» - так о них отзывались, имея в виду нефритовые с рубинами пряжки на одежде и рубиновые шарики на шапочках – отличительный признак элиты.

Со временем, в войнах и потрясениях, в кровавой смене исторических эпох и правительств они сохраняли свой статус и близость к правящему классу, но теряли состояние.

К середине семидесятых годов двадцатого века, после десятилетий культурной революции они потеряли почти всё. Однако отец всё же наскрѐб денег на огромный штраф за вторую беременность своей второй жены в надежде на получение наследника. Но эти усилия оказались напрасной тратой денег – вместо сына родилась она – Ксу – по-китайски Снег. И вся её жизнь с первой минуты была словно присыпана холодным колючим снегом.

Холодно встретил её появление отец. Не скрывала разочарования мать. Родня откровенно проклинала день её рождения, обошедшийся обнищавшей семье в кругленькую сумму. А она смотрела на них сквозь узкие щели глаз и улыбалась беззубым ртом...

Обучать её не стали. Все средства вложили в старшую сестру. Она была старше на пять лет, значит на пять лет раньше могла выйти замуж или начать работать – в любом случае раньше возвращать вложенные в неё средства.

Ксу приходилось довольствоваться остатками знаний сестры – брошенной ненадолго книгой, несколькими чистыми листами бумаги в старой тетради, остатками карандашей и туши, тайком прочитанными газетами отца. На неё не обращали внимания, и она часто оставалась голодной, или невымытой, или болела без надлежащего ухода.

Она стала словно прозрачной – её не замечали.

Она рано поняла экономические причины такой расстановки приоритетов в семье и никого не осуждала, но за жизнь боролась, цепляясь иногда из последних сил. Жизнь сорняка в собственной семье сделала её сильной и независимой...

К моменту её тринадцатилетия старшей сестре нашли мужа – он был старым новым китайцем – из старинного рода Павлина и Леопарда – третьего ранга чиновников с сапфировыми шапочками – и при этом сколотившего состояние в нищей республике на торговле наркотиками и медикаментами.

Кингшенг полностью поглотил крошечный бизнес отца – сеть мелких аптек, но ему нужно было соблюсти закон, и он взял в жёны его дочь. Так они закрепили свой партнёрский союз – уважаемой сети сбыта и тёмного происхождения продукции. Минчжу – её старшую сестрёнку, её Чистую жемчужину, никто и не спрашивал. Ксу впервые сжала кулаки.

Во время предсвадебной подготовки, а потом и самой свадебной церемонии, заплывшее лоснящееся лицо новобрачного то и дело обращалось в сторону младшей сестрёнки жены, которая в свои тринадцать лет при довольно высоком для китайки росте, длинных чёрных густых волосах и белоснежной улыбке уже стала обладательницей крошечной груди...

Прошло пять лет. Много изменилось. Отец с зятем поднялись на самые вершины деловых кругов. Минчжу родила дочку, за что была избита мужем, а потом и отцом. От постоянных побоев и горя, от недоедания, потому что муж морил никчёмную жену голодом, она умерла. Ксу к тому времени исполнилось восемнадцать, её отцу – пятьдесят. Рассудив, что старик вряд ли кого ещё родит и свою часть бизнеса оставит оставшейся дочери, Кингшенг настаивал на сорорате.

Отец нехотя дал согласие, сухо велел Ксу готовиться к свадьбе. В ночь перед ней она бесследно исчезла из дома.

Везде продавались салюты – приближался 1996 год...